Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Персик

— Карабин охотничий, калибра пять, пятьдесят шесть на сорок пять, стандарт НАТО, производства Ceska Zbrojovka, модель пятьсот двадцать семь, — Аркадий медленно гладил ложу незарегистрированного оружия, словно тело любимой женщины, — магазин на пять патронов, фиксирующийся боковой защёлкой, несколько выпирающий из шахты приёмника, но это ничего, в этом есть даже какая-то эстетика, рычажный предохранитель одновременно блокирует движение ударника и рукоятки затвора, затвор ходит плавно, как член с лубрикантом, впрочем, это уже в прошлом, теперь надо мстить. Если неправильно собрать затвор после чистки, то у этой модели может произойти выстрел, но, это для новичков, — привыкший к оружию за долгие годы работы в охотничьем хозяйстве сорока восьмилетний Аркадий Ааронович Певзнер не допустит такую оплошность. В принципе, в оружие можно вложить и шестой патрон, загнать прямо в ствол и добавить ещё один патрон в магазин, но сейчас это было-бы просто смешным и излишним. Вот раньше, например был очень хороший карабин Барс-1, сконструированный в шестидесятом году Нестеровым, лёгкий, около трёх килограмм всего лишь, тоже с пятью патронами но калибра пять и шесть десятых миллиметра с длинной гильзы в тридцать девять миллиметров и возможностью закладки шестого патрона, прямо в ствол. Хороший патрон был, мощный, особенно для пушных охот, с оболочечной пулей весом два и восемь десятых грамма он выдавал начальную скорость около тысячи двухсот метров в секунду и практически не портил шкурку пушного зверя.

Была также и пуля полуоболоченая, с выступающим свинцовым сердечником на конце, весила такая пулька около трёх с половиной грамм, и выдавала около тысячи ста джоулей энергии. Этого хватало чтобы положить не только косулю, но и кабана, и даже, не приведи господи, взбесившегося браконьера, а такие случаи — были и при том весьма часто, просто им не придавали особой огласки в то далёкое советское время. Теперь же всё затмил американский патрон калибра пять целых, пятьдесят шесть сотых миллиметра, пресловутый стандарт НАТО, способный выдавать энергии от полутора тысячи до двух тысяч джоулей на дульном срезе, и скорости от семисот до тысячи метров в секунду. Пресловутый патрон НАТО, о котором ходит, даже до сих пор столько слухов, якобы пули содержащие и яд и взрывчатое вещество и радиоактивную красную ртуть, пули, отрывающие ноги и руки, при попадании в голову, выходящие через зад, — сколько же глупости сочинили про него досужие журналисты и неграмотные обыватели. Даже теперь многие охотники, желающие быть « крутыми ковбоями», покупают себе стандарт НАТО. Патрон хороший, но у него есть реальные возможности и недостатки.

Скажем на медведя надо было бы брать нечто подобное карабину Лось калибра девять миллиметров, длина гильзы по выбору, от пятидесяти трёх до шестидесяти четырёх миллиметров, можно и Голанд-Голанд Магнум, триста семьдесят пятый, нежелательно КО-44, калибра семь шестьдесят два на пятьдесят четыре, старый мосинский патрон, практически не изменившийся с тысяча восемьсот девяносто первого года, за исключением разве что оживальных пуль, имеет среднюю, для своего класса баллистику, но останавливающее действие всеж чуточку недостаточно для лося или крупного, камчатского медведя, хотя вполне подходит для кабана и гималайского медведя, хотя довольно дешев и его до сих пор использует армия России, а потому широко распространён.

Аркадий Певзнер вообще не любил полуавтоматы как-то Тигр, Медведь, Вепрь, уж слишком похожи они на боевые образцы, уж слишком выглядят не аристократично, штампованно, индустриально. Вообще Аркадий Певзнер недолюбливал автомат Калашникова, считая его дизайн несколько пошлым, примитивным, массовым, бог знает, сколько людей из него было убито, в то время, когда все боялись ядерной войны, а вот ядерные ракеты и нейтронные снаряды не лишили жизни после сорок пятого года ни одно живое существо. Конечно вторичные жертвы Кыштыма, Тоцкого полигона можно не брать в расчёт, они были вторичны, секундарны, косвенны, а вот Калашниковы убивали прямо, неотвратимо и жестоко, в огромных количествах.

Из-за своей нелюбви к АК и АКМ, Аркадий недолюбливал и патрон образца сорок третьего года, а также карабин СКС, предпочитая вместо патрона калибра семь шестьдесят два на тридцать девять — патроны триста восемь Винчестер, с длинной гильзы в пятьдесят один миллиметр, также стандарт НАТО, или же патрон тридцать ноль шесть, американский, образца тысяча девятьсот шестого года, также в коллекции Певзнера имелось оружие калибра шесть и пять на пятьдесят пять, шведского производства, славное своей точностью, мягким спуском и лёгкой отдачей, которую конечно никак нельзя было сравнить с отдачей патрона пять — пятьдесят шесть миллиметров, стандарт НАТО, которую практически невозможно ощутить. Гладкоствольные ружья Певзнер не любил из-за малой дистанции, и ещё потому, что большинство охотников пользовалось именно гладкостволом. ИЖ-27 он вообще считал столь же безвкусным, что и АКМ.

Теперь же Певзнера волновал Персик. Именно так он называл свою двадцатилетнюю жену Оксану, чьё лицо напоминало этот субтропический плод. Кожа молодой красавицы также имела персиковый оттенок, губы, словно созданные для поцелуев сводили с ума любого мужчину, хоть раз видевшего её. Все тогда завидовали ему, каждый знакомый задавал один и тот же вопрос, — где он нашёл такую красавицу и сколько денег отвалил за возможность жениться, на что Певзнер отвечал какой-нибудь колкостью, с ехидной улыбкой.

Теперь же всё осложнилось. Пока Певзнер находился в разъездах по делам никеледобывающего концерна, молодая жена спуталась с местным таксистом, по имени Максим, на пять лет старше себя, который, не будучи красавцем, или богачом, сумел найти путь к сердцу девицы, и если бы только это была одна измена!

Но нет, встречи Оксаны и Максима стали носить исключительно частый характер, и Певзнер уже более не в силах скрывать потаённую ревность решил радикально решить проблему. Медленно, ласково, словно пощипывая или массируя Певзнер гладил коричневую, лакированную ложу CZ-527, потом перевёл пальцы на ствол, на этой модели он особый, «плавающий», то есть не имеющий контакта с цевьём, крепящимся только лишь на ствольную коробку, отчего колебания ствола становятся единообразными и оружие приобретает повышенную кучность.

Ещё Аркадий знал, что именно сегодня Максим, в его отсутствие, заедет к Оксане, у них снова будет большая любовь, они будут ласкать друг друга на его, Певзнера, постелях, совокупляться на его столе, плескаться в его джакузи, а ещё они будут пить фруктовые соки, которые Оксана очень любит и которые он, Певзнер предварительно накачал через одноразовый шприц большим количеством снотворного, все шесть литровых пачек. Мультифрут, сок персиковый, сок манго, сок апельсиновый, яблочный и гранатовый.

Они об этом не знают, будут заниматься любовью, и пить сок… они будут счастливы, они

умрут счастливыми, — Певзнер один за другим наполнил магазин чезетки пятью патронами, вставил в шахту приёмника, кликнув боковой
защёлкой, завернул оружие в серый кофр, понёс в машину.
Ровно в десять нуль-нуль, у ворот дома Аркадия Певзнера остановился Опель, из которого почти что выпорхнул молодой мужчина лет двадцати, одетый в чёрную косуху, быстрым шагом пересёк двор, и отворил незакрытую дверь дома.
Оксана, облачённая в снежно-белую шубу на голом теле, в маленьких красных трусиках и красных туфлях на высокой платформе казалась поистине принцессой из сказки, обняв Максима, почти что, повиснув на нём, она потащила его вглубь помещения, в одну из спален, выстланных красными и зелёными коврами, и безвкусно брошенными медвежьими шкурами.
— Ну что, мой ангел, мой Макс, — она нежно и смачно чмокнула Максима в губы, — мой мальчик, — она начала гладить его по волосам, в ответ он запустил руку ей между ног, бросил на постель, попутно скинув со своих ног туфли, раздвинул её пахнущие кремом ноги и начал целовать внутреннюю часть бёдер, лаская кожу кончиками пальцев и стараясь отодвинуть непокорную маленькую полоску трусов, наконец, достиг желанной цели, воздух спальни наполнился ароматом гормонов жаждущего женского тела. Где то рядом с кроватью упали брюки, сверху — рубашка и майка, его член, преодолевая горячее слизистое сопротивление, вошёл во влагалище Оксаны, маленькие красные трусики сдвинутые вбок, чуть давили на яйца Максима, где-то над головой мелькали стройные ноги, увенчанные алыми туфлями на высокой платформе, средний палец правой руки Максима, смоченный в гормональной слизи девушки вошёл в её анальное отверстие, отчего лицо Оксаны покраснело, она издала томный стон, более наполненный удовольствием, чем чувством стыда. Через несколько секунд скользкий от гормонов член Максима вошёл в анус Оксаны и произведя около ста фрикций туда-сюда разразился маленькой, но достаточно мощной и горячей струйкой спермы в вожделенное тело.
— Персик, мой Персик! — он гладил её по волосам, — давай уедем отсюда, все равно у нас тут нет будущего, бросай ты этот дом, ну его на хер, старого обормота, он же тебя купил, просто купил, с потрохами, разве ты счастлива в этой клетке, среди этих шмоток, ты же сама всё знаешь! Персик! — он чмокнул её ещё раз в губы, потом ещё и ещё, потом прижал к своим губам на пять минут не отрываясь, член опять задубел, наполнился кровью, показывая непреклонную жажду ещё одного акта любви, — Персик, — тебя можно трахать бесконечно, — теперь уже Максим находясь сзади Оксаны давил ей на соски подушечками пальцев, соски же напрягались, обжигая пальцы твердели, точно с такой-же силой, что и его член.
Через минуту Оксана уже сидела на диване, так и не сняв белую короткую шубу, Максим же совал твёрдый как сталь член в её маленький рот, накрашенный алой помадой, то членом измазанным помадой тыкал в отвердевшие соски Оксаны, пока не обрызгал обнажённую грудь спермой. Подобно хрустальным сосулькам капли спермы свешивались с горячих сосков девицы, она же тяжело дыша распласталась на диване, широко раздвинув ноги и раскинув руки, её тело излучало соблазн, а рот, этот развратный рот, казалось он сам просил то ли минетов, то ли поцелуев, то ли того и другого вместе.
— Макс, — я хочу пить, — сделай мне коктейль, пли-и-и-з, — Оксана ещё больше вытянулась на диване, — там в холодильнике две пачки мультифрута ещё в шкафу есть гранатовый сок, персиковый, кажется, тоже есть, посмотри, что там ещё.

Через пять минут Максим преподнёс огромный стакан наполненный соков с кусочками льда что было очень кстати в этот жаркий летний день, чуть плеснул в ёмкость гренадина и несколько столовых ложек Мартини, из ёмкости немного отлил в стакан Оксане, вставил в стакан две трубочки украшенные ломтиками лимона и апельсина, прижался к Оксане, гладя упругую кожу её бедра, принялся вместе с ней потягивать маленькими глотками приготовленный коктейль.

— Дорогой, принеси плед, что-то хочется спать, — Максим принёс плед, висевший на стуле в другом конце комнаты, его самого кажется, разморило и начало качать, укрывшись пледом, прижавшись друг к другу влюблённые погрузились в сладкий омут последнего сна.

Они не слышали, как скрипнула входная дверь, как человек с серым кофром вошёл внутрь помещения.

— Спят, спят как звери, это не Персик, это маленький пушной зверёк, — Певзнер глядел на облачённую в белую короткую, почти до середины попы, шубу, свою молодую неверную жену, сдёрнул плед с двоих, уселся на стул напротив, предался пятнадцатиминутному созерцанию зрелища, — мне бы так, мне бы так! Я был бы готов всё отдать, чтобы со мной обращались так-же, хотя я влюбившись в неё проходил ведь это, хотя несколько в ином формате.квартире на шестнадцатом этаже раздался звонок. Вика, одетая в короткое алого цвета кожаное платье с длинными рукавами, украшенными рубиновыми застёжками и в то же время имеющие косые вырезы открывающее загорелое тело так, что даже самые маленькие трусы-стринги одеть под него невозможно, зато прекрасно обнажающее при лёгком сгибе выбритый лобок, платье, имеющее несколько скошенный низ, более подчёркивающий левое бедро и как бы специально созданное для похоти и разврата, платье богини соблазна и летних ночей. Ноги Вики украшали такого же цвета туфли на высоченном и тонком каблуке. Никакой другой одежды она не признавала.

Секс начался с нежных поглаживаний, поцелуев которые начались с губ, перешли во французские, с посасыванием языка друг друга, потом переместились на бёдра, штаны Аркадия подобно старой ветоши упали на пол, прикрыв собой снятые носки и туфли, пиджак был брошен на спинку стула, сверху его прикрыла белая рубашка, на которую в конце — концов было брошено алое платье Вики, увенчанное сверху маленькими трусами Певзнера. Теперь влюблённые оказались абсолютно наги, если за одежду не принимать огромные алые туфли Виктории.

Сначала Певзнер одел на ноги Вики наручники отороченные красным пухом, взяв её на руки вынес на огромную лоджию, с которой открывался замечательный вид на город и на соседний дом, расположенный метрах в двухстах — двухстах пятидесяти от многоэтажки, в которой находилась квартира Вики. Сначала Певзнер подвесил голую Вику ногами вверх, за наручники на ногах, пристегнув к крюкам, вбитым в красно-кирпичные стены лоджии, потянув за цепочку поднял её так, чтобы лобок находился на уровне губ и кожаным прутом нанес несколько ударов средней силы по ягодицам девушки, Вика завизжала, испустив из раздвинутой промежности красивую светло-жёлтую струю, большая часть которой улетела вниз, за пределы лоджии, на крыши автомобилей, припаркованных шестнадцатью этажами ниже и на головы их владельцев, однако ни один из них даже не удосужился задрать голову, чтобы посмотреть, что происходит, хотя, впрочем, он мало бы что увидел, ибо разврат происходил большей частью в глубине лоджии. Вика болталась на цепочках, каблуками вверх, над городом, повизгивая от удовольствия, когда Певзнер как кот, шершавым языком

пролизывал ей манду и посасывал клитор, а потом опускал чуть ниже/, чтобы она могла отсосать его набухающий, горячий, чуть искривлённый член, хотя ей так и не удалось высосать из него хоть капельку спермы, — может это и к лучшему, — думала Виктория, — глотать сперму в положении вниз головой, не очень то и приятно, а спермы в теле Певзнера ой как много, и она такая горячая и густая.

Любовники не знали, что с пятнадцатого этажа, дома напротив, за ними зорко наблюдает огромное стеклянное око оптического прицела Hakko Hunter 4—12x50, установленного на карабине Sauer 202 Classic XT Excusive, чья серо-чёрная пластиковая ложа с ламинированными ореховыми вставками словно бы излучала любопытство и смерть.

— Пусть побалуются ещё, семь на шестьдесят четыре подранков не оставляет, — шептал про себя Артём, — пусть побалуются, интересно.

Через десять минут Певзнер отстегнув Вику от приспособлений посадил её на край лоджии, чтобы осуществить свой коронный секс — на высоте, а высота шестнадцатого этажа очень даже подходила для такого риска, который щекочет нервы и вместе с тем возбуждает своей остротой.

— Пора, — решил Артём, прицелившись, он выждал момент, когда Певзнер сядет ягодицами на край лоджии, лицом к ко входной двери, а Вика — на его член, свесит ноги за пределы лоджии и будет совокупляться глядя город утопающий в ночной синеве, наполненной мириадами огней, — чертовски опасное, — подумал Артём, чертовски страшно, никогда бы так не решился сам, хотя со стороны захватывающе! — тут он поймал себя на мысли, что начал сопереживать этим смелым секс — акробатам.

— Персик! Мой милый Персик! — Певзнер гладил дрожащую от оргазма Викторию по волосам, целовал в губы, пахучие капли женских гормонов, остатки недавней менструации текли по его бёдрам, доставляя несказанную сладость к уже начавшемуся предвкушению оргазма.

— Это опасно, бля, как это опасно! Хотя не ради безопасности их я тут нахожусь! — мозг Артёма работал, казалось одержимый, раздираемый противоположными желаниями, но в то же время, словно зомбированный идеей мести, которая подавляла всё остальное. С этой идеей он плавно, с уверенностью охотника-промысловика надавил на спуск. Пуля калибра семь миллиметров, массой около двенадцати грамм, со странным названием ID Classic RWS, разогнавшись до скорости восемьсот пятьдесят метров в секунду по почти идеально прямой устремилась к цели. За сотые доли секунды пробив обнажённые тела и деформировавшись о раздробленные кости, став похожей на грибок, она вылетела из спины девушки, ударилась о кирпичную стенку дома и отскочив, улетела вниз. Влюблённые умерли так быстро, что даже не успели почувствовать особенной боли или страха, а также оргазма, несмотря на то, что Певзнер успел кончить внутрь любимой, хотя это произошло более из-за расслабления мышц, и потери контроля над телом, чем из удовольствия. Вика-Персик не успев даже пикнуть, когда вместе с любимым скользнула с перил лоджии вниз. Падение длилось около двух секунд, впрочем, мёртвым, им уже не было страшно ничего. Так обняв друг друга, голые и мёртвые, с глухим стуком хлопнулись они на крышу микроавтобуса, попутно выбив все стёкла и осадив почти на три сантиметра вниз центр его крыши.

Телевизор, сотрясавший нутро квартиры в этот момент заиграл песню «Персик».

Персик. Свежий персик

Солнышком согретый маленький кусочек лета

Персик. Нежный персик.
Я его кусаю, я кайфую, улетаю
В облака... В облака
Я лежу. Сонная мгла
Я дрожу. Мало тепла
Встретится утро, и вдруг на столе
Золотом на серебре,
Как будто солнце в хрустале
Вспыхивает в ароматной заре
Персик. Свежий персик
Солнышком согретый маленький кусочек лета
Персик. Нежный персик.
Я его кусаю, я кайфую, улетаю
В облака... В облака
Я лежу. Милый молчит
Я дрожу. Сердце стучит
Я так хочу, что б он быстренько встал
Персик взял, и мне отдал
Потом согрел и приласкал
И прямо в ушко бы мне прошептал
Персик. Ты мой персик
Солнышком согретый маленький кусочек лета
Персик. Ты мой персик.
Я тебя кусаю, я кайфую, улетаю
В облака... В облака
Мякоть входит в тело и само собой
Сделалось теплей
Так что, милый, дело за тобой
В-общем, не робей
В-общем, не робей
Тебе везет. Просто по-крупному везет
(по-крупному везет)
Рядом с тобою готовы на все
Персик. Свежий персик
Солнышком согретый маленький кусочек лета
Персик. Нежный персик.
Я его кусаю, я кайфую, улетаю
Персик. Свежий персик
Солнышком согретый маленький кусочек лета
Персик. Нежный персик.
Я его кусаю, я кайфую, улетаю
В облака... В облака
Персик. Ты мой персик
Персик. Ты мой персик...

— Нет, нет, это всё неправда, — с молодым опером, прибывшим по вызову, началась истерика.

— Ну почему же неправда, там где смерть — всегда правда, — умудрённый опытом толстый и старый эксперт патолог, почесал рыжую, почти козлиную, троцкую бородку и выудив откуда-то из служебного чемодана склянку с нашатырём, профессионально сунул под нос шокированному произошедшим, юному офицеру.